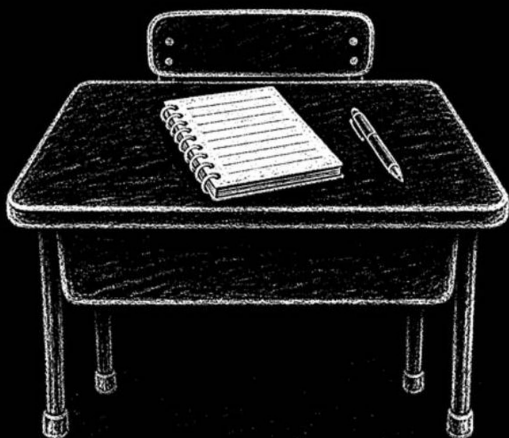

Лера Тёмная

10 Б

По ту сторону парты.
Или дневник классного
руководителя.

Лера Тёмная
По ту сторону
парты. Или дневник
классного руководителя

<https://litres.ru/73903309>

SelfPub; 2026

Аннотация

Реальный дневник классного руководителя. Его мысли, поступки, сомнения...

"... в 30 лет ты уже не ребенок, чтобы смеяться над их мемами, но еще не старик, чтобы просто их забанить".

Будет интересно и познавательно!

Лера Тёмная По ту сторону парты. Или дневник классного руководителя

Глава 1.

Дверь кабинета директора всегда казалась мне порталом в другое измерение. Даже в тридцать, имея за плечами шесть лет стажа и репутацию «крепкого предметника», я всё равно инстинктивно поправляю воротник перед тем, как постучать.

— Заходи, Алексей Николаевич, — Марина Сергеевна не отрывала взгляда от монитора, на котором, судя по отражению в её очках, расцветала очередная сложная таблица. — Садись. Кофе не предлагаю, разговор будет быстрым и, надеюсь, конструктивным.

Я сел. В школе «конструктивный разговор» обычно означает, что кто-то уволился, кто-то разбил окно или кому-то нужно срочно закрыть амбразуру своим телом.

— У нас десятый «Б». Группа сложная, но перспективная. После девятого класса они как разряженные аккумуляторы:

старые связи распались, новые не сложились. Половина — новенькие из других школ. Им нужен лидер. Не надзиратель, а... — она на секунду задумалась, подбирая слово, — модератор смыслов.

— Марина Сергеевна, я историк. Мои смыслы обычно лежат в районе девятнадцатого века, — попытался я отшутиться, хотя внутри уже всё понял. — У меня нагрузка, подготовка к олимпиадам...

— Алексей, тебе тридцать, — она наконец подняла на меня глаза. — Ты для них — идеальный интерфейс между миром детей и миром взрослых. Ты еще помнишь, что такое «быть молодым», но уже знаешь, зачем платить налоги. Для десятого класса это критически важно.

Она придвинула ко мне папку. На обложке красовалось сухое: «10 "Б". Личные дела». 30 имен. 30 судеб, которые теперь станут моими спутниками на ближайшие два года.

— Считай это повышением квалификации в полевых условиях. С первого сентября они твои. Справишься?

Я посмотрел на папку. В голове пронеслась фраза, которую я позже запишу в свой дневник: «Сегодня я стал "классным папой" для 30 человек».

— У меня есть выбор? — улыбнулся я.

— Конечно, — Марина Сергеевна тоже улыбнулась, той самой улыбкой, которая не оставляет вариантов. — Ты можешь выбрать цвет обложки для классного журнала.

Выйдя из кабинета, я остановился в пустом коридоре. Ти-

шина пустой школы перед августовским педсоветом была обманчивой. Я открыл папку на первой странице. «Авдеев Артем... Баранова Виктория...»

— Ну что, ребята, — прошептал я. — Посмотрим, в какую сторону мы с вами поплывем.

Шаги по пустому коридору отдавались гулким эхом. В августе школа пахнет специфически: смесью свежей краски, линолеумной мастики и какой-то стерильной тишины, которая бывает только перед большой бурей.

Мой новый кабинет встретил меня запахом пыли и закрытых окон. Я сел за учительский стол — тот самый трон, с которого мне предстояло два года вещать, убеждать, а иногда и просто молчать вместе с ними. Положил тяжелую папку с личными делами на середину стола.

Я не стал сразу открывать её. Сначала просто смотрел на корешок. В этих тридцати папках внутри жизни — чьи-то переезды, разводы родителей, грамоты за победу в конкурсе чтецов и справки о хроническом гастрите. Там задокументировано всё, кроме самого главного: о чем они мечтают и кого ненавидят.

Я открыл первое дело.

Авдеев Артем. Фотография 3х4, на которой парень смотрит в камеру с таким видом, будто я уже ему что-то должен. В графе «достижения» — пусто, в графе «дисциплина» — несколько замечаний за «нарушение устава школы». Почерк классного руководителя из девятого класса нервный, разма-

шистый: «Склонен к сарказму, авторитетов не признает».

— Ну, привет, Артем, — пробормотал я. — Похоже, мы с тобой подружимся. Или возненавидим друг друга в первый же понедельник.

Я листал дальше.

Лена Соколова. Отличница, художественная школа, три олимпиады по литературе. На фото — испуганные глаза и плотно сжатые губы. «Тихий омут», — подумал я. Такие обычно либо тянут на себе весь класс, либо первыми ломаются под давлением системы.

Марк Левицкий. Перевелся из элитной гимназии. Почему? В личном деле обтекаемая формулировка: «по семейным обстоятельствам». В 10-м классе просто так из элитных гимназий не уходят. Значит, либо конфликт, либо драма.

К середине папки у меня начало рябить в глазах от дат рождения. 2008-й, 2009-й... Боже, я же помню эти годы. Я тогда только заканчивал университет, думал, что весь мир у моих ног. А они в это время учились ходить и говорить «агу».

Я закрыл папку и подошел к окну. Вид на школьный стадион был мирным. Через две недели здесь будет шумно. Они придут сюда — колючие, повзрослевшие за лето, пахнущие дешевым парфюмом и электронными сигаретами, пряча за цинизмом абсолютную растерянность перед будущим.

Я достал из сумки чистый блокнот. Тот самый, купленный вчера в порыве странного предчувствия. На первой странице я вывел:

«30 августа. Кабинет №24.

Сегодня я изучил их личные дела. Судя по бумагам — это набор проблем, амбиций и диагнозов. Но завтра я увижу их глаза. Главное — не забыть, что когда-то и моё личное дело лежало в такой же папке, и за сухими строчками никто не видел, как сильно я боялся не оправдать чьих-то надежд».

Я выключил свет и вышел, заперев дверь. Мой первый год в качестве «классного папы» официально начался в пустом кабинете.

31 августа — день «нулевой» явки. Формально уроков нет, но школа уже гудит, как растревоженный улей. Я ждал их в кабинете №24, разложив на столах распечатанные анкеты.

Они заходили кучками. Сначала — девочки, которые за лето превратились в молодых девушек на каблуках с идеальным макияжем. Потом — парни, пахнущие резким дезодорантом, с вытянувшимися руками и взглядом «я здесь только потому, что мать заставила».

— Коллеги, присаживайтесь, — я намеренно выбрал это обращение. Кто-то хмыкнул, кто-то заинтересованно поднял брови.

Заполнение анкет шло под приглушенный гул. Я ходил

между рядами, собирая листки. Номера телефонов, ФИО родителей, адреса... Сухая статистика, за которой скрывались первые наблюдения. Авдеев Артем предсказуемо сдал почти пустой лист, размашисто написав только номер телефона. Лена Соколова заполнила всё каллиграфическим почерком, даже указала домашний телефон, которым, кажется, уже никто не пользуется.

— Итак, — я постучал ручкой по столу. — Сейчас я создам наш общий чат в Тг. Это будет наш оперативный штаб. Прошу всех добавиться по QR-коду на доске.

Я вывел код на экран. Послышались щелчки камер. В ту же секунду мой телефон в кармане начал вибрировать, как сумасшедший.

12:15. Чат «10 "Б" — ОФИЦИАЛЬНО» создан.

12:16. Авдеев Артем добавил пользователя «Банан».

12:16. Пользователь «Банан» отправил стикер с танцующим хомяком.

12:17. Марк Левицкий: «А че так официально? Давайте лучше чат без училки».

12:17. Лиза К.: «Марк, это вообще-то учитель создал, глаза разуй».

12:18. Неизвестный номер: «А когда столовка заработает? Жрать охота».

12:18. В чат полетели мемы средней степени приличности и бесконечные уведомления о вступлении.

Я смотрел на экран, чувствуя, как начинает дергаться глаз. Моя идея о «цифровом этикете» разбилась о реальность за две минуты.

— Так, — я поднял руку, призывая к тишине. — Первое правило нашего чата: мемы с хомьяками — только по пятницам. Иначе я просто отключу возможность писать сообщения, и вы будете получать только мои сухие директивы. Мы здесь, чтобы слышать друг друга, а не превращать пространство в мусорку.

В классе стало тихо. Они смотрели на меня — кто с вызовом, кто с любопытством. Я понял: сейчас они проверяют, где у меня «точка кипения».

— И еще, — добавил я, записывая в блокнот номера родителей с анкет. — Я сейчас добавлю ваших мам и пап в отдельный родительский чат. И поверьте, я очень не хочу, чтобы мне пришлось пересылать туда скриншоты ваших сегодняшних упражнений в остроумии.

По классу пронесся разочарованный вздох.

Когда они ушли, я остался один с пачкой анкет и разрывающимся от уведомлений телефоном. В родительском чате, который я только что создал, уже началось:

«Мама Артема: Здравствуйте! А какая форма нужна на физкультуру?»

«Папа Марка: Добавьте мою супругу, я в этих делах не участвую».

«Мама Лены: Алексей Николаевич, а можно Лену пересадить на первую парту? У неё зрение...»

Я сел за стол и открыл свой дневник.

«31 августа. Итоги дня.

У меня есть: 30 учеников, 54 родителей (кто-то в разводе, кто-то просто не берет трубку) и чат, который за 10 минут превратился в филиал ада.

Артем Авдеев уже пытается "качать права", а родители начали делить парты.

Главный инсайт дня: в 30 лет ты уже не ребенок, чтобы смеяться над их мемами, но еще не старик, чтобы просто их забанить. Придется искать третий путь.

Завтра 1 сентября. Линейка. Костюм отглажен, но бронежилет, кажется, пригодился бы больше».

Глава 2.

1 сентября встретило меня классическим «школьным» солнцем — ярким, но уже не греющим. В 8:45 я стоял перед зеркалом в учительской, затягивая галстук. В тридцать лет ты уже не чувствуешь себя первоклассником с огромным букетом гладиолусов, но мандраж никуда не делся. В животе было то самое чувство, как перед защитой диплома или первым свиданием.

Я вышел на школьный двор. Мои «десятиклассники» кучковались в углу, подальше от нарядных первоклашек.

Первый казус не заставил себя ждать. Артем Авдеев явился в черном худи с двусмысленной надписью на английском и в ярко-белых кроссовках, которые так и кричали о нарушении дресс-кода. Рядом стояла Катя Миронова, чья юбка была настолько короткой, что завуч по воспитательной работе, проходя мимо, едва не выронила микрофон.

— Алексей Николаевич, это вам! — ко мне подошла Лена Соколова и протянула... кактус в горшке. — Мы решили, что розы завянут, а это — символ стойкости.

— Спасибо, Лена. Очень символично, — ответил я, осторожно принимая колючее растение. «Символ моей будущей жизни», — подумал я.

Линейка прошла как в тумане: гимн, речи о «светлом будущем», первоклашки на плечах одиннадцатиклассников. Но вот наступил момент истины — мы поднялись в кабинет на первый классный час.

Я зашел последним и закрыл дверь. Шум мгновенно стих. Двадцать пять пар глаз уставились на меня. В воздухе пахло духами, лаком для волос и легким вызовом.

— Итак, — я поставил кактус на стол. — Линейка закончилась. Теперь поговорим серьезно. Вы заметили, что я не стал делать вам замечания во дворе по поводу худы или длинны юбок.

Артем победно ухмыльнулся и развалился на стуле.

— Но, — продолжил я, — это не потому, что мне всё равно. А потому, что я считаю вас взрослыми людьми. Взрослый человек понимает контекст. Если вы пришли на похороны в цирковом костюме — это не самовыражение, это отсутствие вкуса и такта. Школа — это тоже контекст.

Я подошел к доске и написал крупно: «ПРАВО НА ОШИБКУ».

— В этом кабинете у вас есть право на ошибку. В оценках, в суждениях, в поведении. Я здесь не для того, чтобы быть вашим надзирателем. Я здесь, чтобы вы за эти два года поняли, кто вы есть на самом деле, прежде чем жизнь выставит вам окончательный балл.

— А если я вообще не хочу ничего понимать? — подал голос Марк Левицкий с задней парты. — Если мне просто нужен аттестат?

— Тогда ты его получишь, Марк. Но это будет самая скучная сделка в твоей жизни — обменять два года молодости на кусок картона. Я предлагаю сделку лучше: я уважаю вашу

свободу, а вы — мои нервы и правила игры.

Я раздал им небольшие листочки.

— Напишите на них одну вещь, которую вы больше всего ненавидите в школе. Анонимно. Сложите в эту коробку. Это будет наш «фонд честности».

Когда они ушли, я открыл коробку.

«Ненавижу, когда на меня орут».

«Ненавижу чувствовать себя тупым».

«Ненавижу, что за меня всё решили родители».

«Ненавижу запах столовки».

Я достал дневник и сделал запись:

«1 сентября. Вечер.

Итоги классного часа: они не враждебны, они просто в защитной стойке. Кактус от Соколовой — отличная метафора нашего класса: колючий, требует мало воды, но если зацветет — будет красиво.

Марк проверяет меня на прочность, Артем — на либеральность. Самое сложное — не превратиться в "зануду-учителя" в ответ на их провокации.

В "фонде честности" 30 записок. В 18 из них — слово "страх" в разных вариациях. Моя цель на год определена: сделать так, чтобы страха стало меньше».

Если классный час с детьми был разведкой боем, то родительское собрание — это полномасштабная дипломатическая миссия в зоне интересов сверхдержав.

Перед собранием меня вызвала к себе завуч по воспитательной работе, Инна Борисовна — женщина, чей голос мог бы останавливать поезда. На её столе высилась стопка бланков.

— Алексей Николаевич, вот пакет документов. Каждому родителю — по анкете, — она придвинула ко мне кипу бумаг. — Плюс согласие на психологическое тестирование, согласие на обработку данных и... вот это.

Она протянула мне «особую» бумажку. На ней деликатным шрифтом было написано: «Анкета социального партнёрства».

— Что это? — спросил я, хотя уже догадался.

— Это способ узнать, чем родители могут помочь школе. Кто-то краской, кто-то руками, кто-то — взносом на охрану и нужды кабинета. И не забудьте про фонд школы. У вас 10-й класс, выпускной не за горами, пусть начинают привыкать к мысли о расходах.

Я вышел из кабинета с ощущением, что иду собирать дань с разбойников, у которых и так отобрали всё самое дорогое — свободное время и нервы.

18:30. Кабинет №24 заполнился взрослыми людьми. Они сидели за теми же партами, что и их дети утром, и выглядели еще более напряженными. Мама Артема Авдеева — высокая, эффектная женщина с ледяным взглядом. Папа Марка — мужчина в дорогом костюме, не выпускающий из рук телефон. Мама Лены Соколовой — с добрыми, но очень уставшими глазами.

— Добрый вечер, — начал я. — Я ваш классный руководитель, Алексей Николаевич. Наша задача сегодня — бюрократическая, но важная.

Я начал раздавать анкеты. Когда очередь дошла до «анкеты партнерства», в классе повисла тяжелая тишина.

— Опять? — громко произнесла мама Артема, отодвигая листок. — Мы в девятом классе и на занавески сдавали, и на принтер. Теперь в десятом — на охрану? У нас школа или режимный объект с платным входом?

— Послушайте, — я постарался, чтобы мой голос звучал максимально спокойно. — Я учитель истории, а не бухгалтер. Моя задача — чтобы ваши дети сдали ЕГЭ и не сошли с ума от стресса. Но чистота в кабинете и безопасность — это фон, без которого учеба невозможна. Давайте решим это один раз и больше не будем возвращаться к денежным вопросам до конца полугодия.

— А на кабинет сколько? — спросил папа Марка, не отрываясь от экрана. — Давайте я сразу за год закрою вопрос, только не пишите мне в личку каждые две недели про триста рублей.

Это был опасный момент. Часть родителей одобрительно закивала, часть — еще сильнее сжала губы. Социальное неравенство в классе проявилось сразу, как лакмусовая бумажка.

— Мы не будем «закрывать вопросы» за счет одного человека, — отрезал я. — Нам нужен родительский комитет. Три добровольца.

В классе воцарилась такая тишина, что было слышно, как на улице проезжает трамвай. Все внезапно начали изучать свои ногти, потолок и анкеты.

— Если добровольцев не будет, — улыбнулся я, — я выберу их методом исторической случайности. Кто сидит на «камчатке», тот и в комитете.

Через сорок минут, когда бумаги были собраны, а тройка «смертников» в комитет выбрана (включая маму Лены, которая просто не умела говорить «нет»), я остался один. Кабинет пах дорогим парфюмом и раздражением.

Я сел за стол и открыл дневник.

«2 сентября. Поздний вечер.

Родительское собрание — это как минное поле. Дети гораздо честнее. Родители смотрят на тебя либо как на об-

служивающий персонал, либо как на врага, который хочет отобрать их деньги и время.

Заполнили анкеты. В графе «Чем я могу помочь школе» один папа написал: «Могу не приходить на собрания». Честно, я бы тоже выбрал этот вариант.

Но есть и победа: мама Артема в конце подошла и тихо спросила: «Он правда так сильно хамил на линейке?». В её глазах была такая незащищённость, что я понял: за каждой броней «трудного подростка» стоит такая же броня измученного родителя.

Фонд честности нужно заводить и для взрослых. Но боюсь, там анонимности не получится.

Вторая неделя сентября — это время, когда «пластилин» начинает застывать. Первичная вежливость испарилась, и класс разделился на два лагеря: «старички», которые вместе с первого класса, и «варяги» — те десять человек, что пришли из других школ.

Конфликт вспыхнул на большой перемене. Я возвращался из учительской и ещё в коридоре услышал этот специфический гул — не просто шум, а предвестник драки.

В центре кабинета стояли Артем Авдеев (из «старичков») и Марк Левицкий (из «новеньких»). Между ними на полу валялся раскрытый рюкзак Марка, из которого выпал доро-

гой планшет и несколько тетрадей.

— Еще раз говорю: убери свои копыта с прохода, — процедил Артем. Он стоял, засунув руки в карманы худи, и в его позе было столько напускного превосходства, что даже мне стало неуютно.

— А ты глаза разуй, — спокойно, но очень зло ответил Марк. — Если ты привык ходить по головам своих ручных одноклассников, то я в этот список не записывался.

Класс замер. «Старички» сгруппировались у окна, «варяги» — у двери. Это была не просто ссора из-за задетого рюкзака, это была битва за территорию.

— Так, — я вошел в кабинет, не повышая голоса, но закрыв за собой дверь на защелку. Щелчок замка сработал лучше крика. — Цирк закончен. Все по местам. Марк, подними вещи. Артем, сядь.

— Алексей Николаевич, а чего он... — начал было кто-то из группы поддержки Авдеева.

— Я сказал: по местам, — повторил я, глядя прямо на Артема. Тот помедлил секунду, проверяя мою решимость, и нехотя сел за парту.

Я не стал читать нотации о дружбе и жвачке. В 10-м классе это не работает. Я подошел к доске и нарисовал две точки: «А» и «Б».

— Вы сейчас ведете себя как феодальные княжества в двенадцатом веке, — я начал рисовать стрелочки между точками. — У одних — «право почвы», потому что они тут с

горшка вместе. У других — амбиции и желание показать, что они не хуже. Знаете, чем это закончилось для Руси? Пришли монголы и сожгли всех к чертовой матери, потому что князья не могли договориться, кто главнее.

— И кто у нас монголы? — усмехнулся Артем.

— экзамены, Артем. И аттестат, который через два года станет вашей единственной валютой. Если вы потратите это время на выяснение, чей рюкзак должен лежать в проходе, вы проиграете оба.

Я посмотрел на Марка. Тот сидел с прямой спиной, сжимая в руках планшет. Его явно зацепило то, что никто из класса не заступился за него.

— У нас завтра по плану внеурочка, — сказал я. — Вместо того чтобы сидеть в кабинете, мы идем в веревочный парк.

— Опять детский сад? — фыркнул кто-то с задней парты.

— Нет, не детский сад. Там есть трасса «Командный прыжок». Это когда один прыгает, а четверо других его держат на страховке. И я лично прослежу, чтобы Артем страховал Марка, а Марк — Артема. Если кто-то из вас решит свести счеты — ну что ж, страховка там надежная, но лететь будет неприятно.

Вечером, сидя в пустом кабинете, я достал свой блокнот.
«12 сентября.

Сегодня была первая попытка делёжки власти. Авдеев ме-

тит в альфа-самцы, Левицкий — в оппозицию. Класс расколот по признаку "свой-чужой".

Самое страшное в педагогике — это невмешательство. Если бы я промолчал, завтра у Марка в кроссовках был бы клей, а у Артема — разбитый нос.

Веревочный парк — риск. Если они там не договорятся, я провалюсь как классный руководитель в первый же месяц. Но лучше пусть они выясняют отношения на высоте десяти метров со страховкой, чем в темном углу за школой.

Заметил странное: Лена Соколова во время конфликта смотрела не на парней, а на меня. Как будто ждала, сорвусь я на крик или нет. Они нас постоянно тестируют. Мы для них — зеркала. Если зеркало треснет, они перестанут в него смотреться».

Я на секунду задумался и добавил:

«P.S. Нужно проверить, не боится ли кто-то из них высоты. А то мой "гениальный план" превратится в сеанс массовой паники».

Суббота выдалась ветреной. Веревочный парк на окраине города встретил нас запахом сосновой смолы и скрипом натянутых тросов. Десятиклассники выглядели непривычно: без школьной формы, в разномастных спортивных и худи, они внезапно стали казаться меньше и уязвимее.

Инструктор, парень лет двадцати пяти с обветренным лицом, быстро провел инструктаж.

— Правило одно: твоя жизнь зависит от того, кто держит веревку. Если напарник зазевался — ты летишь. Вопросы есть?

Вопросов не было. Была тишина, в которой отчетливо слышалось, как Марк и Артем обмениваются тяжелыми взглядами.

Я подошел к ним, когда пришло время этапа «Командный прыжок». Это площадка на высоте восьми метров. Один человек должен сделать шаг в пустоту, чтобы поймать подвешенную трапецию, а четверо внизу удерживают его через блок.

— Так, — я заглянул в список. — Первая пятерка. Прыгает Левицкий. На страховке: Авдеев, Соколова и еще двое. Артем дернул плечом:

— А чего он первый? Пусть посмотрит, как нормальные люди прыгают.

— Он первый, потому что так решил я, — отрезал я, заставляя на Марке карабин. — Артем, ты на основной веревке. Ты — его тормоз.

Марк был бледен. Я заметил, как у него подрагивают пальцы, когда он карабкался по узкой лестнице на платформу.

Он не был трусом, но высота — это честный враг, её не возмешь на понт.

Когда он оказался наверху, на краю крошечной доски, снизу он казался совсем маленьким.

— Готов? — крикнул инструктор.

Марк молчал. Он смотрел вниз, и я видел, как его стопорит. Класс внизу затих. Кто-то из «старичков» хихикнул:

— Ну что, «варяг», памперс не забыл?

Я обернулся к Артему. Тот стоял, намотав веревку на перчатку, и внимательно смотрел вверх. Его лицо вдруг стало серьезным. Он почувствовал то, чего не чувствовали остальные: вес человека на другом конце троса.

— Заткнитесь все! — вдруг рявкнул Артем на своих. — Сбейте его еще под руку, умники.

Марк на платформе вздрогнул, услышав голос своего врага. Он посмотрел вниз, прямо на Артема.

— Держишь? — крикнул Марк. Голос его сорвался на высокой ноте.

— Держу, — коротко ответил Артем, упираясь ногами в землю и натягивая трос. — Прыгай, не позорься.

Марк зажмурился и шагнул вперед.

Это были секунды. Свободное падение, короткий вскриш девчонок и резкий рывок. Артема буквально подбросило вперед, он проехал кроссовками по земле, но веревку не выпустил. Марк качнулся в воздухе, не достав до трапеции, и повис, медленно вращаясь на страховке.

Через минуту мы спустили его на землю. Он стоял, пошатываясь, с безумными глазами. Артем подошел к нему и молча протянул руку, чтобы помочь отстегнуть карабин.

— Тяжелый ты, Левицкий, — буркнул Артем. — Меньше надо в планшет втыкать, больше в качалку ходить.

— Спасибо, — выдохнул Марк. — Реально... спасибо.

Вечером я открыл дневник. Пальцы ныли от веревок — я тоже прыгал, чтобы показать, что «старик» еще на что-то способен.

«13 сентября. Ночь.

Сегодня я видел, как рождается коллектив. Это происходит не за партами и не под гимн на линейке. Это происходит в тот момент, когда один человек физически чувствует ответственность за другого.

Артем мог ослабить хватку — просто чтобы Марк "просел" чуть ниже и испугался сильнее. Но он этого не сделал. В нем сработал какой-то мужской код, который сильнее школьных терок.

Марк теперь не просто "новенький". Он тот, кого Авдеев лично спас от падения (по крайней мере, в их глазах это выглядит так).

Когда мы уходили, они шли рядом. Не обнимались, нет. Но они обсуждали, как у Артема дымились перчатки на спуске.

Кажется, "монголы" сегодня отступили. Но расслабляться рано. Впереди первая контрольная по истории, и там я буду для них главным врагом.

Лена Соколова сегодня так и не прыгнула. Сказала, что кружится голова. Но я видел, как она записывала что-то в свой блокнот, пока остальные орали. Кажется, у меня в классе растет еще один летописец. Надо быть осторожнее в высказываниях».

Глава 3

Это произошло во вторник, на большой перемене, когда эйфория от веревочного парка уже окончательно выветрилась. Я сидел в кабинете, заполняя электронный журнал, когда дверь тихо скрипнула.

На пороге стояла Вика Селезнева — тихая девочка, которая обычно старалась слиться с цветом школьных стен. Она

была из «старичков», но держалась особняком. Сейчас её лицо было пятнистым от сдерживаемых слез, а пальцы судорожно сжимали смартфон.

— Алексей Николаевич, можно? — голос её дрожал. Я отложил ручку.

— Заходи, Вика. Что случилось?

Вместо ответа она положила телефон на мой стол. На экране был открыт закрытый чат в Тг — один из тех «подпольных» каналов, которые создаются параллельно официальному чату класса. Название было говорящим и мерзким.

Я пролистал несколько сообщений. Там были мемы. Фотошоп, где лицо Вики приклеили к телам из сомнительных видео, и длинная ветка комментариев, в которой парни соревновались в «остроумии», обсуждая её внешность и «доступность». Самое паршивое было то, что тон задавали лидеры — те самые, кто еще пару дней назад казались мне «повзрослевшими» в веревочном парке.

— Это началось вчера вечером, — прошептала Вика. — Они думали, что я не узнаю. Но мне Лена скинула скрины... Алексей Николаевич, я не хочу идти на следующий урок. Я вообще в школу больше не хочу.

Я смотрел на экран, и внутри закипала холодная ярость. Та самая, которую нельзя показывать ученикам, чтобы не потерять контроль. Одно дело — конфликт на кулаках или словесная перепалка. Совсем другое — методичное, трусливое

уничтожение человека в сети, где каждый «лайк» под мерзкой шуткой бьет более пощечины.

— Вика, послушай меня, — я заставил её посмотреть мне в глаза. — Сейчас ты идешь в библиотеку. Скажи, что я решил тебе посидеть там до конца дня. Я отмечу, что ты по уважительной причине. А с этим... — я кивнул на телефон, — я разберусь. Обещаю.

Когда она ушла, я закрыл кабинет. Мне нужно было пять минут, чтобы остыть. В голове крутилась запись из моего дневника про «рождение коллектива». Как же я ошибался. Коллектив — это не только взаимовыручка на высоте, это еще и стая, которая выбирает жертву, чтобы почувствовать свою силу.

Я достал свой блокнот.

«21 сентября.

Сегодня я получил пощечину как педагог. Пока я радовался их "командному духу", в тени выросла гниль. Кибербуллинг — это болезнь 21 века, которую не вылечишь походом в лес.

Самое страшное, что в чате отметились почти все парни. Даже Марк, которого Артем страховал на веревках, поставил "смеющийся эмодзи". Предательство ради того, чтобы казаться своим.

Вечером у нас классный час. Я не буду кричать. Я сделаю то, чего они боятся больше всего — выведу их виртуальную "смелость" в реальность».

На классном часу я не стал вызывать никого к доске. Я просто включил проектор. На огромном экране, на всю стену, я вывел те самые скрины из их «секретного» чата. Без цензуры. С именами и фамилиями авторов.

В классе повисла такая тишина, что было слышно, как гудит лампа проектора. Парни, которые секунду назад валяжно развалились на стульях, вдруг начали втягивать головы в плечи. Артем Авдеев покраснел до корней волос.

— У вас было много вопросов, зачем нам уроки истории, — спокойно сказал я, прохаживаясь перед экраном, на котором висел очередной мерзкий мем. — История учит нас, как обычные люди превращаются в скотов. Как толпа выбирает одного, кто слабее, и топчет его, чтобы почувствовать себя великими.

Я остановился прямо перед Артемом.

— Артем, ты на веревках кричал, чтобы Марка не сбивали под руку. Красиво было. А вчера ты написал под этим фото: "Жирная корова должна знать свое место". Скажи мне, это тот же самый человек писал? Или у тебя раздвоение личности?

Артем молчал, глядя в парту. Его кулаки сжались так, что побелели костяшки.

— Значит так, «герои», — я выключил проектор. — У вас есть время до завтрашнего утра. Я не буду вызывать родителей и идти к директору — пока. Но завтра утром каждый, кто отметился в этом чате, должен решить этот вопрос с Викой. И не просто "извини, бес попутал". Вы должны сделать так, чтобы она захотела вернуться в этот класс. Если нет — мы будем обсуждать это же самое в полиции. А сейчас, я прошу всех девушек выйти из класса.

Я дождался, пока последняя из девочек переступит порог и дверь закроется. Лена Соколова обернулась на секунду, её взгляд был тревожным и пронзительным, но я кивнул ей: «Выходи».

В кабинете остались только парни. Пятнадцать человек. Атмосфера изменилась мгновенно — исчезла потребность играть на публику перед девчонками, осталась только густая, липкая настороженность.

Я сел не за свой стол, а на край первой парты, прямо перед Артемом и Марком. Достал из сумки увесистый томик в мягкой обложке и с глухим стуком положил его на дерево столешницы.

— Узнаёте? — я коснулся пальцами надписи «Уголовный кодекс РФ». — Это не учебник истории. Это книга сценариев для тех, кто считает, что интернет — это игровая площадка без правил.

Я открыл книгу на заранее заложенной странице.

— Статья 128.1. Клевета. Статья 137. Нарушение неприкосновенности частной жизни. И самое «вкусное» для вашего возраста — Статья 110.1, склонение к совершению самоубийства путем систематического унижения человеческого достоинства.

Я поднял глаза. Марк попытался смотреть вызывающе, но я видел, как у него дернулся кадык.

— Вы думаете, это школьные разборки? — я понизил голос до шепота, который в тишине кабинета звучал как набат. — Если Вика сегодня вечером решит, что жизнь больше не имеет смысла — а после ваших «мемов» такие мысли приходят очень быстро, — завтра в этот кабинет зайдет не завуч. Зайдут люди в форме. И они не будут спрашивать, кто «просто пошутил», а кто «просто поставил лайк». Они изымут ваши телефоны, поднимут удаленные сообщения и вернут вашу жизнь наизнанку.

Я встал и прошел в конец класса, чувствуя, как взгляды парней поворачиваются за мной, словно подсолнухи.

— Артем, ты хочешь в кадетское? Марк, ты вроде в престижный вуз метишь? Уголовка в шестнадцать лет — это крест на всем. На карьере, на загранпаспортах, на будущем. Вы сейчас не Вику унижали. Вы себя в яму закапывали.

Я резко вернулся к столу и захлопнул кодекс. Звук был как выстрел.

— Сейчас я на пять минут выйду покурить. Хотя я не

кую. Когда я вернусь, я хочу услышать не оправдания, а план. Как вы, «мужской коллектив», собираетесь исправлять то, что натворили. И учтите: если я почувствую хоть каплю фальши — кодекс вернется на стол, но уже в кабинете следователя.

Я вышел в пустой коридор и прислонился лбом к холодной стене. Руки слегка подрагивали. Я не знал, сработает ли этот «театр одного актера», но другого пути у меня не было.

5-6 минут истекли и я открыл дверь и замер. Кабинет напоминал клетку с разъяренными хищниками. Стулья были перевернуты, а в углу, у шкафа с пособиями по истории, разворачивалась сцена, далекая от школьных стандартов поведения.

Артем Авдеев, тот самый «лидер старичков», мертвой хваткой вцепился в воротник рубашки Дениса Котова. Денис — тихий, незаметный парень, «компьютерный гений» класса, который всегда сидел на задней парте и никогда не лез в конфликты. Сейчас его лицо было белым как мел, а очки чудом держались на кончике носа.

— Ты, гнида! — рычал Артем, встряхивая Котова так, что тот бился затылком о дверцу шкафа. — Ты сказал, что это просто приколы! Ты сказал, что она не увидит! Ты нас под статью подвел, хакер хренов?!

Марк Левицкий стоял рядом. Он не лез в драку, но пере-

крывал Котову путь к отступлению, глядя на него с брезгливостью, которую обычно приберегают для раздавленных насекомых.

— Артем, отпусти его, — мой голос прозвучал сухо и хлестко.

— Алексей Николаевич, так это он! — Артем обернулся, не выпуская воротника жертвы. — Мы думали, это просто чат для стеба, ну, переписывались... А эти фотки — это он делал! Он их в «Подслушано» слил с фейка! Мы дебилы, что ржали, но эту грязь он рисовал!

Я подошел ближе. Парни расступились. Котов, лишившись опоры в виде рук Артема, сполз по шкафу, судорожно поправляя очки.

— Это правда, Денис? — спросил я, глядя на него сверху вниз.

Котов молчал, шмыгая носом. Его телефон лежал на полу — экран был разбит, видимо, в процессе «выяснения отношений».

— У него в галерее еще полно такого, — глухо сказал Марк. — Мы посмотрели, пока вас не было. Там не только Вика. Там... — он запнулся и отвел глаза, — там на всех девочек из класса заготовки. И на учителей тоже.

В кабинете воцарилась гробовая тишина. Это был уже не просто буллинг. Это была планомерная, тихая месть парня, которого никто не замечал, всему миру.

Я поднял с пола разбитый телефон.

— Значит так, — я посмотрел на притихших парней. — Авдеев, Левицкий — по местам. Котов — за мой стол. Живо.

Я сел напротив Дениса. Остальные парни замерли за своими партами, боясь пошевелиться.

«— У тебя два варианта, Денис», — сказал я тихо. — Первый: я сейчас вызываю твоего отца, и мы вместе идем к директору, а оттуда — в отдел по делам несовершеннолетних. Второй: ты прямо сейчас, при мне, удаляешь всё. Все исходники, все облака, все фейковые аккаунты. А потом ты выходишь к классу.

— И что? — пискнул Котов.

— И объясняешь им, зачем ты это делал, — я подвинул к нему телефон. — А парни послушают. И если я увижу, что хоть кто-то из них поднимет на тебя руку — они пойдут по той же статье, что и ты. Но защищать твою репутацию я не буду. Её больше нет.

Я сидел на кухне, глядя на бокал коньяка. Лампа над столом гудела — этот звук казался сейчас оглушительным в пустоте квартиры. Передо мной лежал тот самый бумажный блокнот, который я завел в начале сентября.

Рука вела строки тяжело, почти прорывая бумагу.

«22 сентября.

Сегодня я видел, как в людях умирает ребенок. Раньше я думал, что педагогика — это про свет, знания и вдохновение. Сегодня я понял, что иногда это работа патологоанатома, который вскрывает гнойник, чтобы спасти весь организм.

Я победил в битве, но, кажется, проиграл войну за их детство. Сегодня они узнали, что такое настоящий страх. Не страх двойки или вызова родителей, а ледяной ужас осознания того, что одно движение пальца по экрану может уничтожить жизнь. И их собственную, и чужую.

Когда Котов удалял файлы, в кабинете стояла такая тишина, что было слышно, как тикают часы на стене. Это был звук уходящего времени — того времени, когда они могли позволить себе быть просто глупыми подростками. Теперь они — соучастники или свидетели преступления. И я — их проводник в этот взрослый, жестокий мир.

Марк и Артем... Они объединились. Но не вокруг идеи дружбы, а вокруг общего врага и общего позора. Это странный фундамент для коллектива. Лена Соколова смотрела на меня так, будто я только что на её глазах застрелил человека. Возможно, так оно и было — я убил их иллюзию безнаказанности.

Вика ушла домой раньше. Я позвонил её маме, сказал, что конфликт исчерпан, но внутри всё сжимается. Как ей завтра зайти в класс? Как мне смотреть ей в глаза?

Уголовный кодекс всё ещё лежит в моей сумке. Тяжелый, как надгробная плита на могиле их беззаботности. Говорят, учитель должен быть "значимым взрослым". Сегодня я был просто "взрослым с холодными глазами".

Завтра первый урок — история. Тема: "Эпоха Ивана Грозного". Ирония судьбы. Мы как раз организовали опричнину.

Посмотрим, кто из них завтра наденет «метлу и голову», а кто останется в тени».

Я закрыл блокнот. На обложке остался след от кактуса, который подарила Лена — маленькое пятнышко земли. Символ стойкости, говорила она. Нам всем завтра понадобится очень много стойкости.

Глава 4

Среда началась с того, что в чате «10 "Б" Родители» в 7:30 появилось сообщение от мамы Дениса Котова: «Мой сын сегодня в школу не придет. По состоянию здоровья. О дальнейшем обучении сообщим позже».

Я понял: «состояние здоровья» в данном случае — это попытка спастись от того ада, в который превратилась его жизнь за вчерашние сорок минут.

В 8:15 я шел по коридору второго этажа и еще издалека увидел Инну Борисовну. Завуч стояла у дверей моего кабинета, словно цербер, преграждая путь моим десятиклассникам. Она была в своем «парадном» сером костюме, который всегда означал режим повышенной боевой готовности.

— Алексей Николаевич, полюбуйте! — громогласно объявила она, заведя меня. — Это не класс, это какой-то цыганский табор!

Она держала за локоть Катю Миронову. Рядом переминался с ноги на ногу Артем, демонстративно натянувший капюшон своего злополучного худи почти до подбородка.

— Миронова — юбка на ладонь выше колена! Авдеев — опять в этой тряпке с надписями! — Инна Борисовна перевела дыхание и ткнула пальцем в сторону Марка. — А этот... Левицкий! Мало того, что без пиджака, так еще и смотрит так, будто я ему три рубля должна! Алексей Николаевич, я жду от вас объяснительных записок по каждому случаю. Почему ваш класс выглядит так, будто они собрались на дискотеку в сельский клуб, а не в храм науки?

Десятиклассники молчали. Но это была не та покорная тишина, которая бывает у провинившихся детей. Это была тишина сжатой пружины. После вчерашнего «мужского разговора» и драмы с Котовым, претензии к длине юбки или цвету кофты казались им — и, честно говоря, мне — верхом абсурда.

Они смотрели на меня. В их глазах читался один вопрос: «Ты вчера говорил нам об уголовном кодексе и чести. Ты вчера заставил нас повзрослеть за один час. Ты сейчас предашь нас из-за цвета этих тряпок?»

Это был момент, когда «пластилин» мог либо окончательно застыть в форме доверия, либо рассыпаться в прах.

— Инна Борисовна, — я подошел ближе и мягко, но уверенно освободил руку Кати из хватки завуча. — Давайте не будем мешать детям заходить в кабинет. Звонок через две минуты.

— Вы их оправдываете?! — её глаза округлились. — Есть устав школы!

— Устав важен, — спокойно ответил я, глядя прямо на Артема, который медленно, с вызовом, стянул капюшон. — Но вчера у 10-го «Б» был очень тяжелый вечер, а сегодня еще более тяжелое утро. У нас есть проблемы посерьезнее, чем отсутствие пиджаков. Я сам разберусь с их внешним видом на классном часе. Коллеги, проходите в кабинет.

Парни и девочки потянулись мимо нас. Марк, проходя мимо, едва заметно кивнул мне. Артем просто посмотрел в глаза — без ухмылки, серьезно.

— Вы подрываете мой авторитет, Алексей Николаевич, — прошипела Инна Борисовна, когда дверь за последним учеником закрылась. — Директор узнает, что вы поощряете этот хаос. И где, кстати, Котов? Мне звонили из департамента, спрашивали про какую-то «конфликтную ситуацию».

Я посмотрел на неё и понял, что сейчас мне предстоит еще один бой.

— Инна Борисовна, зайдите в лаборантскую на минуту, — я приоткрыл дверь в небольшое помещение за доской. — Это касается того самого звонка из департамента.

Завуч, почуяв запах «жареного», мгновенно сменила гнев на профессиональное любопытство. Мы вошли, и я закрыл дверь.

— Послушайте, — я заговорил тихо, но твердо. — Котов не пришел, потому что вчера в этом классе вскрылся факт кибербуллинга. Причем в самой грязной его форме — с изготовлением порнографических фотожаб на одноклассниц и

учителей. И автором этих «художеств» оказался именно Денис.

Инна Борисовна побледнела. Её рука, только что поправлявшая строгий пучок, непроизвольно потянулась к воротнику.

— Как... как это? Тихий мальчик, из приличной семьи... Вы уверены?

— Я видел его телефон. Весь класс видел. Вчера здесь была не просто ссора, здесь был момент, когда парни едва не устроили самосуд. Я потратил два часа, чтобы удержать ситуацию в рамках закона и не дать им разнести школу. Котов сейчас дома, потому что ему страшно. И мне, честно говоря, тоже страшно за него.

Я сделал паузу, давая ей осознать масштаб.

— И вот теперь представьте: эти дети — те, кто вчера столкнулся с предательством, кто едва не вляпался в уголовное дело, кто защищал достоинство своих девчонок — стоят в коридоре. Они на взводе. У них внутри всё горит. И тут вы выходите и начинаете отчитывать их за худи и длину юбок. Инна Борисовна, при всем уважении к уставу — сейчас это как тушить лесной пожар из водяного пистолета. Мы либо сохраним их доверие и поможем им выйти из этого кризиса людьми, либо мы добьем их формализмом, и тогда «звонок из департамента» станет вашей самой маленькой проблемой.

Инна Борисовна молчала долго. Она смотрела на стопку старых карт на полке, и её лицо постепенно разглаживалось.

В ней сейчас боролись чиновник и педагог.

— Фотожабы... и на учителей тоже? — спросила она севшим голосом.

— Да. Я заставил его удалить всё при мне. Но рана осталась. Им сейчас нужен классный руководитель, а не надзиратель. Позвольте мне сегодня просто быть с ними. Без объяснительных.

Она тяжело вздохнула и поправила очки.

— Хорошо, Алексей Николаевич. Я сделаю вид, что не заметила этот... «карнавал». Но Котов... Его родители уже звонили директору. Они утверждают, что вы устроили сыну «публичную казнь». Будьте готовы, что в сегодня вас вызовут на ковер.

Она вышла из лаборантской, даже не взглянув на детей, которые уже сидели за партами. Я выждал секунду, вытер вспотевшие ладони о брюки и вышел в класс.

Ребята уставились на меня. Они всё поняли. Они видели, как «грозная Инна» отступила.

«— Открываем тетради», — сказал я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Запишите тему: «Иван Грозный. Причина. Почему власть всегда достается тем, кто умеет вовремя замолчать».

В одиннадцать часов я стоял перед дверью кабинета директора. Внутри слышались приглушенные, но резкие голоса. Родители Котова — интеллигентного вида мужчина в дорогом пальто и женщина с заплаканными глазами — сидели

на краешках стульев, напоминая натянутые струны.
Директор, Марина Сергеевна, массировала виски.

— Алексей Николаевич, проходите. Родители Дениса утверждают, что вчера вы подвергли их сына психологическому насилию, угрожали уголовным преследованием и фактически спровоцировали самосуд со стороны одноклассников. Денис в состоянии нервного срыва.

— Мы этого так не оставим! — вскинулась мать Дениса.
— Вы педагог или надзиратель в колонии? Вы не имели права трогать его телефон!

Я не успел ответить. Марина Сергеевна нажала кнопку секретора:

— Зовите.

Дверь открылась, и в кабинет вошли Артем и Марк. В школьных пиджаках (видимо, успели переодеться или одолжить у кого-то), с непривычно серьезными лицами. Они выглядели как два адвоката, внезапно повзрослевшие на десять лет.

— Итак, — директор посмотрела на них поверх очков. — Авдеев, Левицкий. Расскажите, что произошло вчера после уроков, когда девочки вышли из класса. Алексей Николаевич оказывал давление на Дениса Котова?

Артем сделал шаг вперед. Его обычная дерзость исчезла, осталась только холодная, спокойная уверенность.

— Никакого давления не было, Марина Сергеевна. Была... беседа. Алексей Николаевич объяснил нам последствия того, что делал Котов.

— Он кричал? Угрожал? — быстро спросил отец Дениса.

— Нет, — Марк перехватил инициативу. Его голос звучал твердо. — Он говорил очень тихо. На самом деле, если бы не Алексей Николаевич, последствия для Дениса были бы гораздо хуже. Мы... — он на секунду замялся, подбирая слова, — мы были очень злы. Денис поступил подло по отношению к нашим девочкам. Алексей Николаевич просто помог нам не наделать глупостей. Он спас Дениса от нас, если хотите знать правду.

Родители Котова переглянулись. В их глазах появилось замешательство.

— А телефон? — не сдавал позиции отец. — Он заставил его отдать телефон?

— Денис сам его отдал, — соврал Артем, не моргнув и глазом. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок: они защищали меня, используя те же методы, что и во взрослом мире — солидарность и «правильную» версию событий. — Он хотел всё удалить. Он сам понимал, что заигрался. Алексей Николаевич просто проконтролировал, чтобы всё было честно.

Марина Сергеевна внимательно посмотрела на парней, потом на меня. Она слишком долго работала в школе, чтобы

не почуять эту внезапную сплоченность «старичка» и «варяга».

— Спасибо, мальчики. Можете идти, — сказала она.

Когда дверь за ними закрылась, она повернулась к родителям Котова:

— Значит так. Мы можем поднять логи школьного Wi-Fi и восстановить часть публикаций Дениса. Можем вызвать полицию и провести экспертизу его компьютера. Но я предлагаю другой вариант: вы забираете заявление, Денис переводится в другую школу — по семейным обстоятельствам, — и мы забываем об этом инциденте. Ради будущего вашего сына. Потому что, если эти двое парней заговорят о том, что именно было в телефоне... боюсь, «нервный срыв» случится у всей школы.

Родители молчали. Мать Дениса закрыла лицо руками.

Через десять минут я вышел в пустой коридор. Артем и Марк ждали меня у окна.

— Спасибо, — сказал я, подходя к ним. — Но врать директору — это плохая привычка.

Артем усмехнулся, глядя в окно:

— Мы не врали, Алексей Николаевич. Мы просто расставили акценты. Как вы учили на истории: «История — это версия победителей».

— Мы теперь банда? — спросил Марк, и в его голосе

впервые прозвучало что-то похожее на искреннюю симпатию.

Я посмотрел на них и понял: этот класс никогда не будет прежним. И я тоже.

Я сидел в сумерках, не зажигая свет, в руках коньяк. И единственным пятном в комнате был белеющий лист раскрытого блокнота. Ручка казалась непривычно легкой, будто слова сами просились наружу, обгоняя мысли.

«23 сентября. Полночь.

Сегодня я испытал странное, почти пугающее чувство гордости, смешанное с горечью. Мои "князья" объединились. Артем и Марк стояли в кабинете директора плечом к плечу — не как враги, а как братья по оружию. Они научились защищать своих. Но цена этой защиты — ложь.

Они врали филигранно. Спокойно, глядя в глаза, расставляя те самые "акценты", о которых потом с такой иронией напомнил мне Артем. Я учил их истории, рассказывал о дипломатии, о союзах и стратегии, но не думал, что первым практическим применением моих уроков станет круговая порука ради моего спасения.

Правильно ли я поступил, позволив им это?

С одной стороны — система не сожрала ни меня, ни их. Мы сохранили лицо, мы выставили Котовых за дверь, мы "закрыли вопрос". С другой стороны — я только что преподавал им самый опасный урок в жизни: если ты прав по сути, то формально можно и соврать. Я стал для них не просто учи-

телем, а сообщником. В их глазах я теперь "свой" не потому, что я мудрый или добрый, а потому, что мы вместе провернули это дело.

Сегодня в коридоре Марк спросил: "Мы теперь банда?". Он сказал это с улыбкой, но в этом вопросе — весь мой педагогический крах и мой триумф одновременно. Я хотел создать коллектив, а получил... что? Группировку? Орден?

Я смотрю на кактус на подоконнике. Лена Соколова была права — он колючий и стойкий. Но кактусы не цветут от лжи. Они просто привыкают выживать в пустыне.

Завтра я должен выйти к ним и сделать вид, что всё в порядке. Но я знаю: теперь они будут ждать от меня такой же лояльности. Если кто-то из них накосячит по-крупному, смогу ли я быть объективным? Или я уже продан за те пять минут тишины в кабинете директора?

История победителей, черт бы её побрал... Кажется, я только что написал свою первую главу, за которую мне одновременно и стыдно, и которой я дорожу больше всего на свете».

Я захлопнул блокнот. Завтра будет новый день. И завтра мне придется как-то объяснить им, что быть «бандой» — это не то же самое, что быть людьми.

Глава 5

Будни 10-го «Б» превратились в странную смесь из хаоса и уютного убежища. Сентябрь перевалил за экватор, и «ре-

жим выживания» сменился рутиной, которая порой утомляла больше, чем открытые конфликты.

Мой кабинет №24 стал для них чем-то вроде нейтральной территории. На переменах здесь теперь постоянно кто-то был. Особенно девочки. Они заходили стайками, рассказывались на первых партах и начинали обсуждать всё на свете: от новых кроссовок до того, как «Инна Борисовна опять придирается к цвету лака».

— Алексей Николаевич, ну вы же понимаете, что это не вызывающий красный, это «пыльная роза»! — возмущалась Лиза, демонстрируя мне ногти. — Почему она заставляет меня это стирать в туалете хозяйственным мылом?

Я попытался в этот момент проверить пачку тетрадей по теме «Древнерусское государство», но сосредоточиться было невозможно.

— Лиза, по уставу школы лак должен быть нейтральным. «Пыльная роза» в понимании Инны Борисовны — это вызов общественным устоям. Просто прими это как историческую неизбежность.

Они смеялись, им явно нравилось, что я не читаю нотации, а иронизирую. Но внутри меня росло беспокойство. Я чувствовал себя не учителем, а барменом, которому изливают душу. Мне было неудобно их выгонять — после истории с Котовым они начали мне доверять, и это доверие было хрупким, как первый лед. Я слушал, кивал, иногда вставлял реплики, пытаясь сохранить баланс между «своим парнем»

и «педагогом».

А в это время за дверью бушевала Инна Борисовна.

— Авдеев! Опять опоздание на десять минут! Сменная обувь где? — её голос разносился по коридору, как сирена. — Соколова, почему блузка не заправлена? Вы в школу пришли или на дискотеку?

Дети вваливались в класс после таких стычек взъерошенные, злые, неопрятные. Галстуки набок, рубашки навывпуск — это был их тихий протест. Они опаздывали на уроки уже систематически, зная, что я, скорее всего, просто вздохну и отмечу их в журнале чуть позже. Я понимал, что становлюсь для них «добрым полицейским», за спиной которого они прячутся от «злого» завуча.

Вечером я снова открыл блокнот.

«28 сентября. 16:20.

Мой кабинет превратился в дамский клуб. Сегодня на перемене три девочки обсуждали при мне свои диеты, а Марк Левицкий в углу молча читал что-то в телефоне, используя мой класс как зону безопасности. Они приходят сюда греться. Инна Борисовна права в одном: дисциплина ползет по швам. Они опаздывают, они выглядят так, будто только что вылезли из сеновала, и они абсолютно игнорируют замечания других учителей, зная, что в "двадцать четвертом" их выслушают и поймут.

Я боюсь этого момента — когда понимание превращается в потакание. Я слушаю их сплетни про учителей и чувствую

себя предателем цеха. Но если я их выгоню, стена, которую мы так долго ломали, вырастет снова за одну секунду.

Инна Борисовна сегодня зашла в кабинет, когда Лиза сидела на учительском столе (я в этот момент отошел к шкафу). Взгляд завуча мог бы испепелить небольшую деревню. Она ничего не сказала мне при детях, но её молчание было громче любого крика. Я становлюсь для администрации "неудобным" учителем, который разводит демократию там, где нужна диктатура.

Нужно что-то менять. Нельзя быть просто "ухом". Нужно снова стать авторитетом, иначе на первой же контрольной по истории они решат, что раз мы "друзья", то и оценки можно просто выклянчить».

Я посмотрел на стопку непроверенных тетрадей. На верхней, принадлежащей Артему, красовался след от кофейного стаканчика.

Пятница, последний урок. В кабинете №24 стояла та самая сонная, расслабленная атмосфера, которая обычно предшествует выходным. Девочки на первой парте уже достали зеркальца, Артем вполуха слушал музыку в одном наушнике, Марк что-то чертил на полях тетради. Они ждали привычного: «Ребята, ведите себя прилично, до понедельника».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.